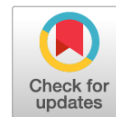

Размышления на монографию С.А. Бочкарева «Философия уголовного права: постановка вопроса» (М.: Норма, 2019. 404 с.)

Павлинов Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовно-правовых дисциплин
Университета Генеральной прокуратуры РФ

***Аннотация.** Статья посвящена размышлениям автора после прочтения монографии С.А. Бочкарева «Философия уголовного права: постановка вопроса», вышедшей в Москве в издательстве «Норма» в 2019 г. Автор считает, что С.А. Бочкарев в своем исследовании поднял такой круг мировоззренческих вопросов и проблем уголовного права, криминологии и уголовной политики, всеобъемлюще охватил их, доказал необходимость тесной их взаимосвязи на философской основе, предпринял поиск и нашел ряд ответов, имеющих важнейшее научное, теоретическое и практическое значение.*

Также в настоящей статье автор приходит к выводу о том, что указанная монография представляет собой серьезный, глубокий, заслуживающий изучения и использования труд, который будет востребован в образовательной и научной деятельности, станет предметом научных дискуссий, окажет позитивное влияние на субъектов уголовно-правовых знаний, законотворческий процесс и правоприменение.

***Ключевые слова:** уголовное право, философия уголовного права, философия уголовного права России, С.А. Бочкарев, историографическое исследование, противодействие экстремистской деятельности.*

Внимательное ознакомление с подготовленной С.А. Бочкаревым монографией «Философия уголовного права: постановка вопроса» приводит к выводу о том, что перед нами серьезный, глубокий, заслуживающий изучения и использования или, как минимум, прочтения труд.

Попробуем аргументированно обосновать заявленный тезис.

Во-первых, авторское произведение представляет собой скрупулезный, последовательный и основательный анализ философии уголовного права через вехи истории и современность (гл. 1).

Автор презентует историографический обзор процессов и взглядов, отражающих становление и развитие философии уголовного права. Он сумел представить его в сконцентрированном виде как взгляд из будущего или проекцию в будущее — именно таковыми и отличались подходы великих мыслителей прошлого. Тем самым они во многом предопределили, по точному замечанию автора, неподготовленность общественного сознания того времени к их усвоению и востребованность будущими поколениями: «философские трактаты, концепты мыслителей служили и служат ориентиром для модераторов правовой мысли к которым нужно стремиться или которых нужно сторониться» (стр. 17).

Периодизация истории вначале представлена через внесенный вклад в зарождение и становление философии уголовного права в Античный период мыслителями, общественными и государственными деятелями, писателями: Гомером и Гесиодом, Аристотелем (уголовное право им рассматривалось с точки зрения преступника; цель наказания — сдерживание преступности), Сенекой (считал, что кара за злодейство в нем самом; что закон — это единое мерило для людей; выдвигал во главу угла принцип честности), Эпикуром (подчеркивал необходимость, полезность и целесообразность наказания), Цицероном (утверждал: право это то, что лежит в плоскости справедливости; наказание рассматривал как дополнительное средство, считая основными факторами — этические).

В эпоху Средневековья доминировала религия, христианство, каноническое право было проникнуто духом ветхозаветной мести за оскорбление Божеского величия, а не стремлением утвердить христианские добродетели (стр. 32). Преступления рассматривались как смертные грехи. Анализируя данную эпоху, автор выделяет таких ученых (философов, теологов, юристов), богословов, политиков как: Августин Аврелий (с его принципом деления Града на Божий и Земной), Боэций, Ансельм

Кентерберийский (основоположник схоластики, живший в 1033 — 109 гг. и считавший невозможным прощение без покаяния, т.е. без наказания; в свою очередь, покаяние, примирение должно занять место мести), Абельяр (разграничил порок и грех, грех и злодеяние; вина им рассматривалась как осознание и согласие на запретное поведение, а преступления как человеческие проявления), Петр Ломбардский (дифференцировал грехи — преступления и наказания за них), Фома Аквинский.

Резюмируя то время, автор делает опровергающий стереотипы вывод о том, что «модераторы средневековой мысли были не менее, чем просветители Нового времени гуманистически настроены по отношению к целям и задачам уголовного судопроизводства».

В свою очередь, идеи наиболее яркого представителя Нового времени Ч. Беккариа считали пророчеством будущего. Силлогизм, характеризующий наиболее известную работу той эпохи Т. Гобса «Левиафан...» (1651), — «всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление» в несколько иной интерпретации использовался в советской уголовно-правовой доктрине (например, А.Н. Трайниным). В ряду получивших признание работы И. Канта «Метафизика нравов» (1785), А. Франка «Философия уголовного права в популярном изложении» (1868), Г. Тарда «Философия наказания». Последние две и привели к выделению самостоятельной научной дисциплины.

В рецензируемой монографии изучаются труды переходного периода из Нового в Новейшее время виднейших его представителей Г. Мэна, Г. Спенсера, У. Миллера, Ж. Паунда, Г. Харта (стр. 60-67). В гл. 1 также представлена англо-американская философия уголовного права Т. Уортона, Ф. Бредли, К. Кенни, А. Коцоурека, Дж. Вигморда.

Генезис уголовно-правовой и в целом философско-правовой мысли с древних времен по настоящее время прослеживается через труды более 30 указанных представителей, внимание философии того времени к уголовно-правовой реальности прослеживается и через международные конференции (стр. 71-73), деятельность институтов и научных центров (стр. 73-74), выпуск отраслевых периодических изданий (стр. 74-77).

Отдельно стоит выделить § 1.4 «Философия уголовного права в России» главы 1. Здесь автор, в том числе, обращается к наследию великих писателей-гуманистов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Они оказали очевидное влияние на наиболее значимые идеи европейских криминологов, которые заключались в активном неприятии современной системы уголовного наказания, в отношении к наказанию как

к последнему средству, в ратовании за использование мер социального контроля и за развитие «восстановительного правосудия»¹.

Дискуссии вокруг теории, отрицающей право государства наказывать, велись не одно столетие, но в настоящее время оно не подвергается сомнению.

Другое дело, что прежде, как и ныне, имеет место злоупотребление государством монопольным правом на наказание не только во внутренней, но и во внешнеполитической сфере. Западный, прежде всего американский законотворческий процесс и правоприменительная практика все чаще демонстрируют силовое доминирование, отход от общепризнанных норм и принципов международного права, реакционные взгляды на международный институт наказания, антигуманные стандарты. Вне судебная репрессия в отношении лидеров еще некогда суверенных государств третьего мира (М. Каддафи), использование международных судебных органов для сведения счетов с неудобными представителями режимов (С. Хусейн, С. Милошевич) становятся нормой международных отношений. США, используя свой военный потенциал и потенциал Северо-Атлантического альянса, устраняют «недемократические» режимы, ликвидируют на территории, находящейся вне юрисдикции США, представителей террористических организаций (руководителя «Аль-Каиды» Бен Ладена в Пакистане), под знаменем соблюдения прав человека организуют вторжения и насильственную антигосударственную

¹ См., например: Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений: пер. с англ. М., 1979; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Под. общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилянского; пер. с англ. Е. Матерновской. 2-е изд. СПб., 2011.

² Дивительным образом взгляды крупнейшего скандинавского ученого Н. Кристи совпадают с позицией великого русского писателя Л.Н. Толстого, представленной в размышлениях главного героя его романа «Воскресение». Ответ на вопрос, отчего весь тот ужас (в тюрьмах и острогах, в судах и вообще в жизни) и что надо делать для того, чтобы уничтожить его «был тот самый, который дал Христос Петру: он состоял в том, чтобы прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать, потому что нет таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять. ... Общество и порядок вообще существует не потому, что есть узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что, люди все-таки жалеют и любят друг друга». И как бы в продолжение этой мысли в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского встречаем следующее суждение: «Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своем основании. ... Право телесного наказания, данное одному над другим, есть одна из язв общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения в нем всякого зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основание к неперемennomu и неотразимому его разложению».

деятельность, направленную на изменение основ конституционного строя (Ирак, Ливия, Сирия, Украина). Сегодня, по сути, мы являемся свидетелями отказа от признания государственного суверенитета, от торжества права и правосудия, от международно-признанного института уголовного наказания. Все это еще больше, на наш взгляд, актуализирует исследование, представленное С.А. Бочкаревым.

В плане критики отметим, что автор позволяет себе останавливать внимание и на некоторых отвлеченных моментах (например, при анализе работы Г. Харда «Понятие права»).

Также, представляется, что данной главе возможно не хватает:

- 1) популяризации научных знаний (с учетом того, что монография в меньшей степени, чем диссертация сугубо научный труд) для расширения читательской аудитории, активизации вызывания и поддержания интереса к содержанию;
- 2) синергии философии уголовного права и философии криминологии, даже только с учетом обращения мыслителей Древней Греции и Рима к осмыслению проблем преступности.

Тем не менее, многолетняя экспертиза научных исследований по специальности 12.00.08 свидетельствует о пороках многих работ, в частности, существенной разбалансированности некоторых диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук, что является логическим следствием неумения выстроить план и определить концепцию исследования. В них отсутствует системность, последовательность изложения отдельных аспектов проблемы. Раскрытие теоретико-методологических проблем в изложении отдельных авторов представляет собой попытку рассказать обо всем, со всех ракурсов, но как видится, слишком поверхностно. Одновременно, в адрес таких соискателей обоснованы упреки в выходе за рамки научной специальности, приводящие к некомпетентным суждениям и выводам.

В сравнении с ними исследование С.А. Бочкарева выгодно отличается не только системным содержанием отдельных глав, но и всей работы в целом.

В монографии глубоко изучается современное состояние субъектов уголовно-правового знания с позиций философии, психологии, юриспруденции (гл. 2), формулируются взвешенные выводы, даются дальновидные оценки.

Нами предполагалось, что предшествующий исторический обзор должен служить не только контекстом, но и прямо использоваться для анализа, понимания, прогнозов современной уголовной политики. На деле отчасти все так и обстоит. Вместе с тем, С.А. Бочкарев не явно, но прозорливо оттеняет проблемность заимствования ранее представленного научного багажа,

особенно, в эпоху, когда «неопределенность и нескончаемые турбулентности есть качества искомого пути», а «нестабильность рассматривают как норму жизни, которой имманентны процессы внезапных ускорений, резких замедлений и даже неожиданных возвратов в прошлое».

Может ли стратегия борьбы с преступностью в таких условиях быть долгосрочной, целостной, предсказуемой, осуществимо ли поэтапное планирование борьбы с преступностью, ее прогнозирование? В действительности многие доктринальные документы стратегического характера не доживают свой отведенный им срок. Достаточно вспомнить Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Военную доктрину Российской Федерации от 05.02.2010 и целый ряд других, на смену которым пришли новые.

Проблемы противодействия «мягкой силе», направленной на изменение конституционного строя и нарушения территориальной целостности, реально существуют (стр. 116-117). И уже не только через организацию ненасильственных проявлений экстремизма, непротивоправных форм протеста (забастовки, пикетирования и пр.), но и через санкционные механизмы и изоляционистские антироссийские настроения идет атака на указанные ценности.

Еще Э. Люттвак, известный специалист по геополитике, почти 40 лет тому назад в своем практическом пособии «Государственный переворот» отмечал неочевидные способы ведения геэкономической войны, к которой относил навязывание другим участникам международного сообщества своих правил игры². Современная игра в «глобализацию» с ее требованием открытости национальных рынков выгодна экономически развитым странам, способным выдержать международную конкуренцию. Или использование принципа «насаждения демократии». Здесь же и стратегии ложного обучения через общественные институты (например, структуры Совета Европы в последнее время все чаще делают «антикоррупционные прививки» отдельным странам, в том числе России). Запад готов обучать нас и толерантности (тогда как в самих США ежегодно, по мнению некоторых экспертов, совершается до 200 тыс. преступлений на почве ненависти)³.

Своевременна и обоснованна обеспокоенность автора проблемой ограниченности арсенала правовых средств по поддержанию

² Люттвак Э. Государственный переворот. Практическое пособие. Пер. с англ. Платошкина Н.Н. М., 2015.

³ Расовая ненависть: власти США бьют тревогу из-за массовых убийств темнокожих. НТВ. 22.06.2015, 21 ч. 26 мин. // <https://www.ntv.ru/novosti/1429718/> (дата обращения: 01.09.2019).

безопасности России (стр. 117), хотя ст. 278 и 279 УК РФ не единственные в арсенале обеспечения национальной безопасности РФ.

Недопустимость ненасильственных антигосударственных действий (захват власти, выражающийся в присвоении дополнительных полномочий носителями власти путем принятия соответствующих правовых актов или удержание власти вопреки истечению срока полномочий либо путем переизбрания на новый срок, несмотря на отсутствие правовых оснований) предусматривает Конституция РФ в ч. 4 ст. 3, в ч. 3 ст. 81, а механизм ответственности за них установлен в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В то же время вид ответственности за несоблюдение предписаний основного закона, механизм ее реализации действующим законодательством не предусмотрен.

Изменения в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» возвели в ранг противоправных деяний революции, различного рода национально-освободительные движения, акты агрессии. Однако способен ли закон выполнить такую миссию, не чрезмерна ли она? Другое дело противодействовать разрушительным катаклизмам на ранней стадии, что закону под силу. Почему-то без внимания остается печальный опыт противостояния центра и республик в советский и российский период развития государства, представлявших собой, по сути, ненасильственный антигосударственный экстремизм. Далеко не случайно в первоначальной редакции ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ к определению «экстремистской деятельности» были отнесены и захват власти, и присвоение полномочий.

Криминализованы и публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ).

Однако за рубежом решение данной проблемы выглядит более завершенным. Одними из основных особенностей уголовной политики в области безопасности государства в развитых зарубежных странах являются:

- 1) приоритетность уголовно-правовой защиты интересов государства (например, УК ФРГ, УК Франции). Более того уголовная ответственность за измену государству предусмотрена в Конституции США;
- 2) наличие широкого круга норм, несущих в себе раннее предупредительное воздействие

(внесение смуты и подстрекательство к мятежу — в уголовном законодательстве Англии, саботаж и повстанческое движение — в УК Франции);

3) отличия антигосударственных преступлений, посягающих на безопасность, от терроризма, их разветвленная система в уголовных кодексах западных стран.

Тогда как в России все наоборот.

Отвлекаясь в рецензии на частные аспекты уголовной политики, заметим, что сам автор рассматривает последнюю в обобщенном виде, в широком, многоаспектном ключе.

Нельзя не согласиться с С.А. Бочкаревым, что сегодня у ученых, точнее у группы ученых, существует монополия на истину о состоянии законодательства, о путях его развития, об оценке его кризисного состояния и т.д. (стр. 130). Заинтересованность в такой парадигме разумно и убедительно объясняется желанием более активно участвовать в правотворческом процессе (стр. 132). Не искать положительный потенциал закона и указывать на дополнительные возможности его использования, а «распетрушивать все в дым». Имеют место, как отмечает автор, публичные выступления с громкими требованиями и вербальными инструментами, вкусовые предпочтения, художественные соображения о системе уголовного права. Таким образом, в сознании отдельных представителей науки превалирует форма над содержанием, но не научное доказывание с его объективностью и непредвзятостью. Подчеркнем, что автор очень внимательно, вдумчиво и деликатно изучает не только философский, но и психологический аспект уголовной политики и уголовного правотворчества через субъективный фактор личности.

Вероятно, далеко не все представители науки согласятся с тезисом автора о том, что назначение законодателя ответственным за кризис связано и с нежеланием научного сообщества обозначать свою подлинную роль в сложившемся положении дел. Считаем, что С.А. Бочкарев обоснованно утверждает, что «на девальвацию значения науки в обществе повлияли не только отрешенность от нее власти, сомнительное качество подготовки соискателей научных степеней, но и пренебрежение учеными гносеологической составляющей доктрины, которая априори должна доминировать среди ее основных источников.

Так, концепции отдельных исследований крайне противоречивы, основаны на логических ошибках и демагогических приемах. Это выражается в подменах: например, наказание неэффективно в силу недостаточно скрупулезного исполнения. И значит, необходимо разрушить сложившуюся систему уголовных наказаний

и создать иную. Такой подход, как во многом бездоказательный, не убеждает. Не только законодатели разных государств и эпох, но и уголовно-правовая доктрина и правоприменитель, в том числе судьи, в большинстве своем ратуют за сложившуюся лестницу наказаний (за штраф, исправительные, обязательные, принудительные работы), за наличие иных карательных составляющих, правоограничений института наказания, не относящихся исключительно к критерию ограничения и лишения свободы.

Стало уже довольно расхожим заключением, что доктрина уголовного права отдана на откуп власти, законодателя и правоприменителя, что проекты законов готовятся исследовательскими организациями по заданиям органов власти. Но последствия сложившегося положения анализируются редко. Поэтому нельзя не поддержать автора, приводящего аналогию с экономической наукой, где засилье неolibералов и сторонников данной теории экономической мысли в союзе с заказчиками — бизнес сообществом, пагубно повлияло на развитие нашей страны (стр. 138).

В обосновании авторских оценок современной уголовной политики чаще всего, как отмечалось, лежат суждения наших современников — философов, историков, специалистов в области государства и права, в сфере юридической техники. Представляется, было бы оправданным более широкое обращение автора к мнению криминологов, например, С.В. Максимова (доклад о современной уголовной политике и опыте кропотливой, 20-летней работы над Уголовным уложением 1903 г., начатой под предводительством Александра II), В.В. Лунеева (монография «Истоки и пороки российского уголовного законодательства»). Считаю, что автору стоит подумать и о целесообразности использования всего остального багажа ранее представленного философского мировоззрения, поскольку это еще более очевидно из содержания главы 2. История философской мысли может быть, на наш взгляд, обогащена трудами и представлениями о преступности (С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, Дж. Франкла, Н. Кристи и др. ученых более ранних периодов), так как в рассуждениях об уголовной политике речь идет и о законодательстве, и о правоприменении.

Российскую криминологическую картину с ее динамикой, тенденциями современной преступности автор рассматривает через призму подходов и ученых и практиков: стабильно и позитивно развиваются криминальные, уголовно-правовые процессы — считают одни, статистическая отчетность не достоверна, система наблюдения уязвима — утверждают другие.

Некоторые эмпирические данные, утверждения между тем нуждаются в корректировке.

Например, то, что «Россия утопает в крови, она превращается в криминальное государство» (стр. 142), так как относится это к 2004 г. Нынешняя ситуация с преступностью в стране совсем иная. Ссылка на коллегии МВД РФ и слова министра в 2013, 2014 г. не совсем актуальны, скоро уже 2019 г.

Обстоятельному изучению подвергнуты отличия позиций теоретиков и практиков на современную уголовную политику.

Нельзя не поддержать автора в его утверждении о диаметрально противоположных позициях субъектов уголовной политики, которые проистекают не из-за естественных факторов, а в связи с избранными ими точками обзора состояния уголовного права (скорее, преступности). Дефекты мировоззренческого порядка, исследованию которых не уделяется должное внимание (не работает правовой мониторинг, не уследили за развитием событий на Украине), присущи не только практике и практикам. Подобное справедливо и в отношении представителей науки, достаточно обратиться к одному примеру.

В рецензии на материалы диссертационного исследования «Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период» (сентябрь 2013 г.) представленные на соискание ученой степени кандидата юридических наук нами отмечались допущенные противоречия и недочеты. Суждения соискателя о том, что «экономический кризис коснулся Украины в большей мере, чем России, ... в Украине ощущается дефицит энергоносителей, растет безработица, инфляция, снижается уровень жизни, кипят политические страсти, а уровень преступности прогрессирует в России» не соответствовали действительности. Рецензент отмечал, что, во-первых, уровень преступности в современной России наряду с ее фактическим объемом с 2007 г. неуклонно снижается; во-вторых, экономические показатели, особенно макроэкономические, действуют не сразу, их влияние на криминогенные процессы носит отложенный характер. Последующие события начавшиеся на Украине с февраля 2014 г. подтвердили обоснованность наших выводов.

Прав автор и в том, что ни в целях, ни в задачах УК РФ и УПК РФ не представлена в надлежащей степени общество, деятельность сил правопорядка в его интересах (стр. 146-147), по крайней мере, по аналогии с Федеральным законом «О полиции» (гл. 2 «Принципы деятельности полиции»).

Мало кто знает даже среди специалистов-криминологов, что российское общество стало жертвой низкой правовой культуры иностранных граждан (мигрантов) — 1/3 посягательств

на собственность совершается ими (стр. 147). Без этой информации, как верно замечает автор, итоговые значения статистики лишены показательного смысла. Они не отражают уровня криминогенности коренного населения России.

Стоит согласиться и с упреком С.А. Бочкарева в отношении отраслевого, юридико-технического целевого закрепления принципа справедливости и возможности его понимания только в узкоутилитарном ключе для целей назначения наказания.

Утверждение автора о том, что основные отрасли законодательства не справляются с поставленными перед ними задачами снижения антагонистических противоречий и настроений в обществе (стр. 153) нам представляется не совсем точным: напротив, УК РФ 1996 г. и ГК РФ 1995 г. были призваны закрепить статус-кво зарождавшихся и развивающихся капиталистических отношений в России — они подобную задачу выполнили и продолжают реализовывать (в плане укрепления и сцепления социальных связей — есть нормы об экстремизме, есть нормы в защиту предпринимателей — особый вид освобождения от уголовной ответственности и т.д.). Цитируемое мнение председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева во многом тому подтверждение (стр. 156).

Ситуацию, анализируемую в § 2.3 «Издержки социального опыта...» (стр. 164-165), о революционных изменениях в мире, о новом укладе экономики, о праве в революционном периоде крайне сложно представить злободневной, статичной любому исследователю ввиду быстротечности социальных процессов. И работы В.С. Овчинского, и материалы Валдайского форума 2018 г. «Мир, в котором мы будем жить: стабильность и развитие в XXI веке» могут вскоре стать не актуальными. С тенденциями глобализации, с идеями нового соотношения прав человека и прав народов (о которых, например, писал председатель Конституционного Суда В. Зорькин, выступал с докладом министр юстиции А. Коновалов на Сенатских чтениях в Санкт-Петербурге в 2012 г.) уже случился «зигзаг»: мир от глобализации начал стремиться к прямо противоположным процессам — национализации, региональной интеграции; права человека перестают быть довлеющими и приоритетными над общенациональными интересами.

Живым источником современной трансформации, по мнению автора, является человек, наделенный, ко всему прочему, таким имманентным свойством личности как мятежность (стр. 166-167). Но человека-индивида, тем более обывателя, вряд ли можно назвать началом, инициатором дестабилизаций, он скорее выступает жертвой или объектом сверх изменений. Ведь теория управляемого хаоса и практика его

реализации создана и реализуется под контролем сил Запада. Информационный мир меняет сознание; современный человек познает мир опосредованно, через СМИ, теперь он во многом живет во вторичном виртуальном мире.

Перекликаются с таким контекстом и размышления автора. В познании целостности, отмечает С.А. Бочкарев, субъекты все реже отталкиваются от действительности. Отсюда возникают производные сложности: какую целостность субъектам уголовного права правообразовать и воспроизводить (стр. 172).

Нельзя согласиться с утверждениями С.А. Бочкарева, что революция 1917 г. — проявление исключительной катастрофичности, трагическое явление. Пророчество Христа в Евангелии от Марка: «И последние будут первыми» было реализовано для большинства граждан не только нашей страны, но и мира благодаря Октябрьской социалистической революции, стало неотъемлемым ее завоеванием.

По нашему мнению, у автора имеет место смешение понятий «революция» и «цветная революция», резко отрицательное отношение к первой и пассивно примирительное ко второй («в мире, обществе и человеке идет трансформация, что создает благоприятные условия для их революционного слома и объясняет причины успешной реализации в ряде государств революционных проектов» — стр. 180).

Отмечая близость и схожесть проявлений революций и антигосударственного экстремизма, нельзя не увидеть их основные отличия, которые заключаются в следующем: в моральности применяемого насилия массами как противостоящей стороны конфликта; в продолжительности по времени, условиях и причинах их протекания; в необратимости наступивших последствий. Цветные революции не имеют всех черт революций; последние, в свою очередь, обладают перечисленными отличительными признаками.

В то же время солидаризуемся с автором в том, что необходимо делать выводы из украинских уроков: в условиях отсутствия официально закрепленной либо всеми воспринимаемой, единой идеологии роль закона в России сегодня значительно возрастает. Особенно на фоне поляризации общества. Только закон, следование закону может объединить общество, стать интегративным знаменателем жизни российского общества, позволит избежать разрушительных антигосударственных потрясений.

Отдельные структурные части монографии (например, «Состояние уголовного права как объект осмысления», как и некоторые другие) в силу их специфики должны оценить, прежде всего, специалисты теории права либо философии.

Глава 3 «Уголовно-правовое знание: состояние его традиций» представляет собой без преувеличения платформу для дискуссий и дальнейших размышлений: насколько радикальными могут и должны быть реформы в уголовном праве, где проходят «красные линии», за которые заступать недопустимо? Но гораздо большее, первичное значение, по мнению автора, имеет уголовно-правовое мировоззрение, формирующее уголовно-правовое знание и игнорирующее философию, недооценивающее и сужающее назначение истории, гипертрофирующее задачи и возможности собственной теории. Не случайно С.А. Бочкарев четко формулирует основную дилемму: должна ли наука уголовного права продуктивно развиваться, опираясь на гносеологическую основу, либо дистанцированность от обращения к философии и истории сама по себе является залогом успеха уголовно-правовой науки?

В завершение отметим, что С.А. Бочкарев в своем исследовании поднял такой круг мировоззренческих вопросов и проблем уголовного

права, криминологии и уголовной политики, всеобъемлюще охватил их, доказал необходимость тесной их взаимосвязи на философской основе, предпринял поиск и нашел ряд ответов, имеющих важнейшее научное, теоретическое и практическое значение. Уверен его результаты будут востребованы в образовательной и научной деятельности, станут предметом научных дискуссий, окажут позитивное влияние на субъектов уголовно-правовых знаний, законотворческий процесс и правоприменение.

Список литературы

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений: пер. с англ. М., 1979.
2. Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019.
3. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Под. общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; пер. с англ. Е. Матерновской. 2-е изд. СПб., 2011.
4. Люттвак Э. Государственный переворот. Практическое пособие. Пер. с англ. Платошкина Н.Н. М., 2015.

Reflections on the Monograph

S.A. Bochkareva «The Philosophy of Criminal Law: Posing a Question» (M.: Norma, 2019. 404 s.)

Pavlinov Andrey,

Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law Disciplines,
University of the Prosecutor General of the RF

Abstract. *The article is devoted to the author's thoughts after reading the monograph by S.A. Bochkareva "Philosophy of Criminal Law: Questioning," published in Norma in Moscow in 2019.*

The author believes that S.A. Bochkarev in his study raised such a range of philosophical issues and problems of criminal law, criminology and criminal policy, comprehensively covered them, proved the need for their close relationship on a philosophical basis, undertook a search and found a number of answers that have the most important scientific, theoretical and practical value.

Also in this article, the author concludes that this monograph is a serious, deep, work worthy of study and use, which will be in demand in educational and scientific activities, will be the subject of scientific discussions, and will have a positive impact on subjects of criminal law knowledge, lawmaking process and enforcement.

Keywords: *criminal law, philosophy of criminal law, philosophy of criminal law of Russia, S.A. Bochkarev, historiographic research, countering extremist activities.*

References

1. Andenes I. Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenii: per. s angl [Punishment and crime prevention]. M., 1979.
2. Bochkarev S.A. Filosofija ugovornogo prava: postanovka voprosa [Philosophy of criminal law: statement of the question]. M., 2019.
3. Kristi N. Priemlemoe kolichestvo prestuplenii [Acceptable number of crimes] / Pod. obshch. red., vstup. stat'ia Ia.I. Gilinskogo; per. s angl. E. Maternovskoi. 2-e izd. SPb., 2011.
4. Liutvak E. Gosudarstvennyi perevorot [The coup]. Prakticheskoe posobie. Per. s angl. Platoshkina N.N. M., 2015.